

— Нам ведь не доводилось прежде встречаться? — Цзи Цинчжоу, подбирая тон, попытался прощупать почву.

— Я всего лишь евнух, где уж мне, недостойному, иметь знакомства с таким господином, как вы? — Ту Даю ответил это, и лицо его на миг стало каким-то неестественным. Не дожидаясь расспросов Цзи Цинчжоу, он объявил, что пора заступать на службу, велел Цзи Цинчжоу поесть получше и поспешно покинул дворик.

Цзи Цинчжоу проводил его взглядом, и глаза его потемнели. К счастью, Ту Даю скоро суждено умереть, так что, даже если у того были какие-то скрытые замыслы, вряд ли представится шанс навредить самому Цзи Цинчжоу. В конце концов, на нём всё ещё висит аура злодея, так что о своей безопасности можно особо не беспокоиться.

Возможно, из-за того, что принятое лекарство продолжало действовать, Цзи Цинчжоу вскоре почувствовал слабость во всём теле. Кое-как перекусив, он повалился на кушетку прямо в одежде и уснул.

Когда он проснулся, была уже глубокая ночь.

Открыв глаза, Цзи Цинчжоу увидел, что в комнате горит масляная лампа. Он перевернулся на бок и заметил старика лет шестидесяти, сидевшего в комнате. На старике был расшитый сложными узорами халат питона, по которому сразу становилось ясно: положение этого человека весьма высоко.

— А у тебя, я погляжу, сердце спокойное, раз так сладко спишь, — холодно произнёс старик.

Сердце Цзи Цинчжоу ёкнуло: он догадался, что перед ним, скорее всего, нынешний глава Палаты евнухов — Яо Чанъань.

— Евнух Яо. — Цзи Цинчжоу поднялся и поклонился.

Яо Чанъань, по-прежнему сохраняя прохладный тон, продолжил:

— Раз уж Даю привёл тебя сюда, я не стану тебя выгонять. Однако жизнь во дворце — это совсем не то же самое, что беззаботное существование в семье учёных. Если хочешь здесь остаться, в будущем придётся полагаться только на себя.

Цзи Цинчжоу замер. Ему показалось, что Евнух Яо настроен к нему не слишком радушно, даже с некоторой неприязнью. А ведь по намёкам Ту Даю он решил, что Евнух Яо ценит его.

Неужели... возвышение прежнего владельца тела произошло вовсе не благодаря покровительству Евнуха Яо, и тут кроется что-то ещё?

— Эти дни посвети изучению дворцового этикета, — сказал Яо Чанъань. — Я... дам тебе один шанс. Регент скоро возвращается в столицу.

При упоминании Регента у Цзи Цинчжоу внутри всё сжалось.

В оригинальной книге Цзи Цинчжоу натворил столько дел, что в конце концов Регент приказал подвергнуть его жестокой казни... смерть его была ужасной.

— С тех пор как Князь стал Регентом, у него не было рядом личного евнуха для прислуживания. Я даю тебе возможность попытаться. Сможешь ли ты остаться при нём — зависит только от твоих умений, — Яо Чанъань бросил на него взгляд и добавил: — Служить при Князе — это великая честь, о которой многие мечтают. Я собирался отдать это место Даю...

Яо Чанъань вздохнул, и в его голосе прозвучало искреннее сожаление.

Цзи Цинчжоу был в недоумении. В оригинальной книге Регент был безжалостным и жестоким человеком, который терпеть не мог евнухов. Разве это хорошая должность?

Цзи Цинчжоу украдкой взглянул на Яо Чанъаня, подумав: неужели этот Евнух Яо знает, что я собираюсь его сместить, и решил подставить меня? Но ведь он всего лишь мелкий евнух, только что попавший во дворец. Если бы его хотели прижать, не проще ли было сразу отправить на самые грязные работы?

Цзи Цинчжоу понял, что здесь кроется какая-то тайна, но пока не мог разобраться, а потому не решался действовать опрометчиво.

В последующие дни он значительно окреп, хотя иногда всё ещё чувствовал сонливость. Вместе с Ту Даю он выучил почти все дворцовые порядки. Ту Даю был то ли простаком, то ли очень искусно притворялся: он выкладывал всё как на духу, и в нём совсем не было той хитрости, которую ожидаешь от любимого ученика Евнуха Яо.

Если бы не то, что по книге Ту Даю умирал рано, Цзи Цинчжоу начал бы подозревать, что тот играет роль.

— Завтра Князь возвращается в столицу, а послезавтра он будет во дворце, — сказал Ту Даю. — О возможности служить рядом с ним мечтают многие, не упusti свой шанс.

Цзи Цинчжоу посмотрел на него и спросил:

— Наставник, ты сказал... это место предназначалось тебе. Почему ты уступил его мне?

— Ха! — Ту Даю почесал затылок. — Мне и при Его Величестве неплохо живётся. Да и кто во дворце решит, где мне служить, кроме меня самого? А ты что умеешь? Максимум — растирать тушь да подавать бумагу рядом с Князем.

Цзи Цинчжоу замер. Слова Ту Даю звучали как насмешка, но в них сквозило беспокойство.

— Ближайшие пару дней я буду занят подготовкой к дворцовому пиру, так что будь осторожен, — добавил Ту Даю.

— К пиру? — удивился Цзи Цинчжоу.

— Да, к пиру в честь возвращения Князя.

В голове Цзи Цинчжоу молнией пронеслись воспоминания о содержании книги. Регент был холодным и высокомерным человеком, который на дух не переносил подобные торжества. В книге упоминался только один такой пир.

Если он не ошибается, после того пира Регент устроил кровавую баню, приказав забить палками до смерти десятки евнухов и служанок. Среди них был и Ту Даю.

— А какой он, этот Регент? — осторожно спросил Цзи Цинчжоу.

— Князь милостив к людям, не переживай, — ответил Ту Даю. — Хотя он и не любит евнухов, ты... с детства обучен грамоте, думаю, это придётся ему по душе.

Цзи Цинчжоу подумал, что репутация Регента сильно отличается от того, что он читал в книге. Единственное объяснение — с Регентом что-то произошло, что изменило его характер.

Неужели это событие случилось именно на пиру?

Иначе почему он после пира расправился с таким количеством людей?

При этой мысли Цзи Цинчжоу взглянул на Ту Даю и внезапно почувствовал, что не может спокойно смотреть, как тот идёт на верную смерть.

Разумом Цзи Цинчжоу понимал, что не должен вмешиваться.

Он сам подобен глиняному божку, переходящему реку — едва ли выживет, а ещё беспокоится о жизни Ту Даю. Глупость какая.

Но Ту Даю был первым человеком, с которым он познакомился в этом мире, и за последние дни

они сблизилась. Видеть, как тот идёт на смерть, было выше его сил.

Тем же вечером, захватив кувшин вина, Цзи Цинчжоу отправился к Ту Даю.

— Не зря я тебя приметил: всего несколько дней во дворце, а ты уже вино раздобыл, — Ту Даю взглянул на кувшин, впустил его в комнату и выставил вяленое мясо и орехи в качестве закуски.

Цзи Цинчжоу взял арахис и улыбнулся:

— Евнух Сяошань с кухни, ты меня с ним знакомил — сегодня я попросил у него вина, и он не задал ни одного вопроса.

— Сяошань был со мной знаком, когда мы служили при Его Величестве, а потом... совершил оплошность и его отправили на кухню, — вздохнул Ту Даю. — Мы, евнухи, как бы высоко ни поднялись — хоть до должности наставника, — в глазах вельмож всегда остаёмся лишь псами, которых можно пнуть в любой момент.

Ту Даю выпил и выглядел подавленным.

Цзи Цинчжоу, сдерживая эмоции, поспешил подлить ему ещё. После третьей чаши он решил, что время пришло.

— Раз всё так плохо, зачем ты идёшь на риск?

— Ты думаешь, я сам хочу... — Ту Даю осёкся, поднял глаза на Цзи Цинчжоу и спросил: — Что ты знаешь?

— У вас... есть план на пиру, — сказал Цзи Цинчжоу.

— Откуда ты знаешь? — ошеломлённо спросил Ту Даю.

Цзи Цинчжоу изначально просто блефовал, не ожидая, что тот так легко проколется. Ведь Ту Даю и в голову не могло прийти, что Цзи Цинчжоу заранее знает весь сюжет.

Цзи Цинчжоу усмехнулся:

— На пиру не так много способов что-то предпринять.

Он многозначительно посмотрел на чашу в своей руке, и лицо Ту Даю изменилось.

Перед приходом Цзи Цинчжоу тщательно всё обдумал. Если Регент после пира изменился в характере и перебил кучу людей, значит, случившееся задело его за живое. Но как ни крути, на пиру можно сделать лишь одно — отравить его.

Яо Чанъань говорил, что у Регента нет личных евнухов, поэтому заговорщикам оставалось выбирать момент пира. Ведь там много людей, и проверить что-то незаметно проще простого.

— Откуда ты знаешь? — испуганно повторил Ту Даю. — Неужели...

— Я догадался, — ответил Цзи Цинчжоу.

Ту Даю помолчал и сказал:

— Умные люди действительно соображают быстро. Не знаю, как ты до этого дошёл, но дело решено, пути назад нет. Считай, что ты ничего не знаешь...

Цзи Цинчжоу замер. Реакция Ту Даю была удивительно спокойной — он даже не боялся, что его выдадут? Либо он слишком доверял Цзи Цинчжоу, либо уже не заботился о последствиях.

— Ты знаешь, почему у Регента до сих пор нет личных евнухов? — спросил Цзи Цинчжоу.

— Потому что он добр к людям и не хочет никого обременять службой, поэтому с ним только его доверенные лица из поместья, — ответил Ту Даю.

— Нет, — покачал головой Цзи Цинчжоу. — Потому что по натуре он крайне осторожен и никому во дворце не доверяет. Он не станет пить дворцовое вино и есть дворцовую еду. Но это не значит, что он не заметит вашей уловки.

— Откуда тебе знать? — спросил Ту Даю. Цзи Цинчжоу про себя подумал: всё потому, что так написано в книге, а Регент — человек подозрительный и с дурными наклонностями!

— Зачем ты мне всё это рассказываешь? — спросил Ту Даю.

— Ты вытащил меня из Яньтина, я перед тобой в долгу, — ответил Цзи Цинчжоу. — Если веришь мне, в ночь дворцового пира ничего не предпринимай. Регент всё равно ничего не станет есть и пить, а тот, кто стоит за твоей спиной, не узнает, что ты палец о палец не ударил.

Ту Даю при этих словах оживился: очевидно, слова Цзи Цинчжоу запали ему в душу.

Видя это, Цзи Цинчжоу больше ничего не сказал. Всё, что следовало, он уже высказал, а как всё обернется — зависело исключительно от удачи Ту Даю.

На следующий день Яо Чанъань взял Цзи Цинчжоу с собой в кабинет Юйшуфан и подробно объяснил все детали службы там. Он даже перечислил предпочтения Регента, намекая, что Цзи Цинчжоу обязан проявить себя с лучшей стороны: стоило лишь угодить Регенту, как в

будущем можно было остаться при нем на службе.

Для любого человека из Палаты евнухов это была редкая и завидная должность.

Цзи Цинчжоу искоса взглянул на сероголового маленького евнуха, шагавшего позади Яо Чанъяня, и заметил, с каким вожделением тот смотрит по сторонам.

Сердце Цзи Цинчжоу дрогнуло, и он уделил пареньку чуть больше внимания.

этого маленького евнуха звали Гао Лян, он выглядел весьма смышленным и явно принадлежал к числу амбициозных людей.

— Где ты завтра дежуришь? — воспользовавшись моментом, тихо спросил Цзи Цинчжоу.

— Я намерен вызвать неудовольствие наставника, так что меня отправили дежурить в Павильон Фэнсянь, — с горькой усмешкой ответил Гао Лян.

Павильон Фэнсянь был местом, где почитались посмертные таблички прежних императоров. За исключением праздников и первых и пятнадцатых лунных дней, когда Регент приводил туда маленького императора для жертвоприношений, в остальное время там не было ни души. Можно сказать, это было самое уединенное и глухое место во всем императорском дворце.

— В Павильоне Фэнсянь наверняка очень тихо, я бы с радостью поменялся с тобой местами, — как бы невзначай обронил Цзи Цинчжоу.

— А? — Гао Лян от неожиданности испугался, но быстро взял себя в руки, подумав, что Цзи Цинчжоу наверняка шутит.

Кто в здравом уме согласится променять службу подле Регента на дежурство в Павильоне Фэнсянь?

Этот Цзи Цинчжоу и впрямь мастерски шутит!

Лишь на следующий день, когда Гао Лян задремал, прислонившись к колонне внешней галереи Павильона Фэнсянь, и кто-то тронул его за плечо, он понял, что Цзи Цинчжоу вовсе не шутил.

Гао Лян принял из рук Цзи Цинчжоу синее одеяние евнуха и встревоженно спросил:

— Что, если наставник потом станет нас наказывать?

— Если ты хорошо послужишь, то впредь останешься при Регенте, и как бы наставник ни гневался, поделаться ничего не сможет, — легкомысленно отозвался Цзи Цинчжоу. — А если не угодишь, мы просто поменяемся обратно, и наставник, глядишь, ничего и не заметит.

Гао Лян всё еще сомневался, но вскоре решительно прикусил губу и переоделся в одежду Цзи Цинчжоу.

В жизни всегда нужно за что-то бороться: а вдруг повезет, и тогда ему больше никогда не придется куковать в этом унылом Павильоне Фэнсянь?

— И откуда у тебя такая дерзость? — переодевшись, спросил Гао Лян, глядя на Цзи Цинчжоу.

Цзи Цинчжоу облачился в серые одежды Гао Ляна, легко усмехнулся и ничего не ответил.

Дерзости у него было не так уж много, просто он заранее взвесил все последствия.

Если после дворцового пира с Ту Даю ничего не случится, то даже если Цзи Цинчжоу и разгневает Яо Чанъяня, Ту Даю из чувства благодарности защитит его. Если же Ту Даю всё-таки панет смертью от палок, Яо Чанъяню и вовсе будет не до него.

К тому же своими действиями Цзи Цинчжоу наглядно доказал Яо Чанъяню, что не годится для обучения, а раз так... Цзи Цинчжоу сможет избежать первоначального сюжета, как и желал. Что делать дальше, он обдумает со временем, а сейчас важнее всего было пережить это испытание.

Цзи Цинчжоу остался в Павильоне Фэнсянь и до самого вечера не покидал его.

Хотя в Павильоне Фэнсянь было немного тоскливо, это место отлично подходило для того, чтобы скрыться от суеты.

Цзи Цинчжоу зажег свечу, нашел несколько круглых циновок-пуфáв, забился за жертвенный столик и задремал.

Сегодня он с самого утра держал себя в тисках, и напряжение до сих пор не отпускало, так что он смертельно устал.

Однако стоило ему закрыть глаза, как слышались шаги.

Цзи Цинчжоу выглянул из-за укрытия — это был Гао Лян.

— Ну как? — спросил Цзи Цинчжоу.

— Князь ничего особенного не сказал, только велел больше никого к нему не присылать, — с заметной тоской в голосе ответил Гао Лян.

— А где князь? — снова спросил Цзи Цинчжоу.

— Уехал на дворцовый пир, — ответил Гао Лян.

Цзи Цинчжоу переоделся с ним обратно, и его сердце невольно тревожно забилось.

Настоящий момент напряжения только начинал отсчет...

Ночью дежурить в Павильоне Фэнсянь не требовалось, поэтому Гао Лян переоделся и ушел.

Цзи Цинчжоу не спешил уходить: он еще не знал, обернется ли эта ночь кровавой бурей или пройдет спокойно, а потому боялся возвращаться слишком рано. Стань он свидетелем того, как Ту Даю схватят и забьют палками до смерти, у него наверняка осталась бы психологическая травма.

Поскольку сюда всё равно никто не заглянул бы, Цзи Цинчжоу снова забился за жертвенный столик и прикорнул.

Сколько он проспал, он и сам не понял, пока его не разбудил легкий шорох шагов.

Нахмурившись, Цзи Цинчжоу открыл глаза и увидел перед собой девушку лет шестнадцати-семнадцати. Судя по наряду, она не была дворцовой служанкой — скорее всего, дочерью какого-то знатного семейства. Девушка явно не ожидала обнаружить за жертвенным столом

человека, да еще и столь смазливому с лицом, и при виде Цзи Цинчжоу на мгновение растерялась.

— Я... — Цзи Цинчжоу попытался что-то сказать.

Но девушка тут же зажала ему рот рукой, присела на корточки за столиком и прошептала:

— Не шуми.

Словно опасаясь, что Цзи Цинчжоу ее не послушается, она достала из мешочка какой-то предмет и протянула ему. Цзи Цинчжоу развернул его — это оказалась конфета.

Цзи Цинчжоу: ???

В книге не было этого эпизода! Что же теперь делать?

Однако раздумывать было некогда: снаружи послышались шаги еще кого-то.

Цзи Цинчжоу: !!!

Разве не говорили, что в Павильон Фэнсянь никто не ходит? Почему сегодня здесь такой аншлаг?!

Пришедший снаружи зажег благовония и поклонился жертвенному столику. Цзи Цинчжоу бросил косой взгляд на девушку и увидел, что та, припав к тыльной стороне столика, смотрит сквозь резные щели наружу, а ее щеки слегка порозовели.

Цзи Цинчжоу мгновенно всё понял: эта девушка питала к кому-то тайные чувства?

Он проследил за ее взглядом и увидел во дворе мужчину на вид лет двадцати с небольшим: высокого, с выдающейся осанкой, точеными чертами лица и безупречно красивой внешностью. Но по какой-то причине, хотя этот человек выглядел мягким и учтивым молодым господином, Цзи Цинчжоу почему-то чувствовал от него холод.

Мужчина долго стоял снаружи, не произнося ни слова.

Когда Цзи Цинчжоу уже решил, что тот собирается уходить, мужчина вдруг нахмурился, прижал руку к груди и едва не рухнул на землю. Цзи Цинчжоу испуганно замер, но сидевшая рядом девушка отреагировала еще быстрее: она выскочила наружу и подхватила падающего.

— Вам плохо? — с тревожным испугом спросила она.

Тот поднял на нее глаза, словно удивляясь, откуда здесь взялась посторонняя. Но ему явно было нехорошо, и разбираться с этим он сейчас не мог.

Видя, что мужчине нездоровится, Цзи Цинчжоу уже собирался подняться и прийти на помощь, как услышал голос девушки:

— Князь, где у вас болит?

Она назвала его князем?!

Цзи Цинчжоу: !!!

Этот человек... Регент?!

Регент: Судьба — штука поистине удивительная.

Опубликовано исключительно на Цзиньцзя.

Мысли Цзи Цинчжоу бешено закрутились: неужели Регента все-таки отравили?

Он никак не оживал, что, приложив столько усилий, чтобы скрыться в этом тихом месте, все равно столкнется с ним нос к носу...

Прячась за жертвенным столом, Цзи Цинчжоу не смел издасть ни звука. Украдкой бросив взгляд на окно в задней стене, он мысленно прикидывал, каковы шансы незаметно улизнуть в суматохе. Поскольку он не лекарь, оставаться здесь всё равно было бессмысленно — лучше унести ноги и не ввязываться в неприятности.

Внутри павильона Регент Ли Чжань поднял глаза на девушку, и в его взгляде мелькнуло удивление.

Встретившись с ним взглядом, девушка густо покраснела и поспешно опустила голову.

— Ты... младшая сестра дяди императора по матери Цю? — хрипло произнес Ли Чжань.

Девушка набралась храбрости и снова посмотрела на Ли Чжаня. На его красивом лице проступила тонкая испарина, а в глазах, обычно мягких, сейчас читалась никогда прежде не виданная ею свирепость. Эта жесткость, казалось, слишком долго сдерживалась внутри, а теперь прорвалась наружу лишь потому, что его тело было не в порядке.

— Князь... с вами есть кто-то из слуг? Я позову их, чтобы они помогли вам дойти до Императорской больницы! — девушка вскочила и на цыпочках бросилась к выходу из переднего зала.

Заглянув в щель резного столика, Цзи Цинчжоу увидел, что мужчина снаружи, словно лишившись всех сил, сполз по ножке алтаря на пол. И хотя мужчина не издал ни звука, по вздувшимся венам на его сжатых руках Цзи Цинчжоу понял, что он преодолевает жесточайшую боль.

— Князь, вы никого с собой не взяли? — запыхавшись, вернулась девушка. Увидев Ли Чжаня, лежащего пластом на полу, она бросилась к нему, присела на корточки и попыталась приподнять. — Здесь слишком глухо, я не могу найти слуг на помощь...

Тут девушка, казалось, что-то сообразила, резко подняла голову и посмотрела на жертвенный стол.

Цзи Цинчжоу вздрогнул, подумав, что на этот раз спрятаться не удастся...

Однако, прежде чем она успела заговорить, Ли Чжань грубо оттолкнул ее руки и хрипло бросил:

— Убирайся!

Девушка опешила: она никак не ожидала, что мягкий и обходительный в ее представлении Ли Чжань может проявить такую ледяную жесткость, и на мгновение растерялась. И все же бросить его она не решилась — собравшись с духом, она снова попыталась поддержать Ли

Чжання.

— Я же велел тебе убираться! — Ли Чжань перехватил девушку за запястье, собираясь оттолкнуть ее, но в этот момент бурный поток крови ударил ему в голову, и сознание заволочла густая пелена.

<http://bllate.org/book/21165/2144615>